

Марина Михайловна Подгузоваmarina.podguzova@gmail.com

Кандидат искусствоведения, редактор
Отдела компьютерных технологий и
информационной безопасности Московской
государственной консерватории имени
П. И. Чайковского

Marina M. Podguzovamarina.podguzova@gmail.com

Ph. D., Editor of the Department of Computer
Technologies and Information Security of
Tchaikovsky Moscow State Conservatory

Период эвакуации в творчестве К. А. Эрдели: 1941–1943 годы

Аннотация

В статье рассматриваются основные направления творческой деятельности выдающейся советской арфистки Ксении Эрдели в период эвакуации в годы Великой Отечественной войны: с октября 1941 по ноябрь 1943 года.

Время, проведенное в тяжелых военных условиях далеко от дома, не только не стало для Ксении Александровны периодом «творческого спада», а, напротив, явилось достаточно насыщенным и плодотворным. Это касается, прежде всего, исполнительской деятельности, а также возобновления в этот период работы в оркестре, которую арфистка завершила в мирное время ещё в 1938 году.

Исследование основано на архивных материалах — письмах К. А. Эрдели из эвакуации ассистенту в Московской консерватории М. П. Мchedelov. Как представляется, корреспонденция содержит ценные сведения, позволяющие впервые ввести в научный обиход фактологическую точность биографических событий, а также составить значительно более подробную картину в сфере изучения творчества арфистки вышеназванного периода.

Ключевые слова

К. А. Эрдели, Московская консерватория, арфа, эвакуация, Великая Отечественная война, концерт.

The Period of Evacuation in the Work of K. Erdeli: 1941–1943

Abstract

The article examines the main directions of creative activity of the outstanding Soviet harpist Ksenia Erdeli during the years of the Great Patriotic War: from October 1941 to November 1943.

The time spent in difficult military conditions far from home, not only did not become a period of "creative decline" for Ksenia Aleksandrovna, but, on the contrary, was quite rich and fruitful. This concerns, first of all, performing activities, as well as the resumption of work in the orchestra during this period, which the harpist completed in peacetime back in 1938.

The study is based on archival materials — letters from K. Erdeli from evacuation to an assistant at the Moscow Conservatory M. Mchedelov. It seems that the correspondence contains valuable information that allows for the first time to introduce the factual accuracy of biographical events into scientific use, as well as to compose a much more detailed picture in the field of studying the work of the harpist of the above-mentioned period.

Keywords

K. Erdeli, Moscow Conservatory, harp, evacuation, Great Patriotic War, concert.

Период Великой Отечественной войны в судьбе каждого человека нашей страны занимает особое место. Война вторглась в размеренную, спокойную, мирную жизнь современников и произвела в ней колоссальные изменения. Не стали исключением и деятели искусства того времени — актеры, музыканты, писатели, художники, в судьбах которых произошли коренные перемены.

3 августа 1941 года Совет по эвакуации под руководством Л. М. Кагановича, А. Н. Косыгина и Н. М. Шверника принял Постановление «О направлении старейших мастеров искусств из г. Москвы в г. Нальчик», согласно которому в Кабардино-Балкарию были эвакуированы выдающиеся представители творческой интеллигенции, а также члены их семей. Согласно списку эвакуируемых № СЭ-60 в республику были отправлены артисты МХАТа и Малого театра, а также С. С. Прокофьев, Ю. А. Шапорин, А. Н. Александров, Н. Я. Мясковский, А. Б. Гольденвейзер, В. В. Вересаев, И. Э. Грабарь и многие другие ведущие деятели культуры. Среди них была и профессор Московской консерватории по классу арфы К. А. Эрдели (Иллюстрация 1). «Мы выезжали в самом начале военных действий (еще не был занят Смоленск). Верилось, что враг будет скоро разбит, и мы быстро вернемся в Москву. А пока мы прибыли к цели нашего путешествия в небольшой курортный городок Северного Кавказа, Нальчик» [7, 96] — вот что вспоминала блистательная арфистка о первых днях эвакуации, которая продлилась для нее более двух лет.

Творческая интеллигенция прибывала в Кабардино-Балкарию в составе двух групп. Коллектив, приехавший 11 августа, с цветами встречали представители Комитета по делам искусств республики. Однако оказалось, что деятелей культуры негде разместить, и первую ночь уставшие, измученные дорогой люди, провели в вагонах.

На следующий день принимали вторую группу эвакуированных, в составе которой была и Ксения Александровна. К тому моменту помещения уже были готовы, и выдающиеся деятели искусства смогли разместиться в одной из городских гостиниц и в здании дома отдыха «Долинское золото».

Первые впечатления о новом месте проживания были положительными несмотря на то, что багаж задерживался и многие остались без одежды и белья. Однако, что самое важное, питание было хорошим, а в условиях войны никто и не требовал большего: «Вот уже две недели, что мы живем здесь в комнате 150 человек (примерно). Нальчик чудесный городок, очень живописный, очень культурный (3 театра, прекрасная газета и т. д.). Нас поместили в дачной местности, в доме отдыха и устроили на полном пансионе. Но некоторые из нас предпочитают жить в городе (Прокофьев, Игумнов, Рыжова и др.). Здесь представители старшего поколения Художественного, Малого и других театров, а также архитекторы (Веснины)¹, писатели (Вересаев)², художники (Сварог)³ и много других» [4, 174] — вот что писала Ксения Александровны Р. М. Глиэру в первые дни эвакуации.

Однако сама арфистка отмечала: «...несмотря на прекрасное и блестящее общество — и прекрасные условия — настроение у нас невеселое, потому что настоящей, хорошей связи с Москвой нет, даже телеграммы ходят плохо и очень медленно, а письма идут совсем плохо, их почти не получаем» [4, 174]. Тревожили и вести с фронта.

В мирное время Ксения Александровна вела обширную переписку, не изменила она своим привычкам и в период войны. «У меня громадная корреспонденция, так что быть аккуратной очень трудно» [13, 1] — писала она. Людям, оторванным от своей

¹ Архитекторы — братья Веснины: Веснин Леонид Александрович (1880–1933), Веснин Виктор Александрович (1882–1950), Веснин Александр Александрович (1883–1959). Все они являлись лидерами конструктивизма и совместно работали над множеством проектов.

² Вересаев Викентий Викентьевич (1867–1945) — русский и советский писатель, литературовед, критик, лауреат Пушкинской премии (1919) и Сталинской премии первой степени (1943).

³ Сварог Василий Семенович (1883–1946) — русский, советский художник.

обычной жизни, от родных и близких, переписка давала возможность хоть как-то поддержать прежнее общение, а значит, и устоявшийся уклад жизни, сгладить тяготы и лишения военного времени.

Иллюстрация 1. К. А. Эрдели. Источник: [7, *вклейка*]. Дата не указана.

Приведу одно из первых писем, отправленных арфисткой из эвакуации. Оно было написано — 22 августа 1941 года — в самом начале пребывания в Нальчике и предназначалось ассистенту Ксении Александровны в Московской консерватории М. П. Мчеделову:

«Дорогой Михаил Павлович!

Очень беспокоюсь, не имея от Вас никаких известий. Что Вы решили?

Обратите внимание на перемену моего адреса. Я уже неделю живу в городе. Настроение очень мрачное. «Наши» поговаривают о переезде, но из Москвы по этому поводу нет директив, и было бы глупо отсюда куда-либо двигаться. Семья, в которой я живу, очень симпатичная, и я себя чувствую у них хорошо.

Начала работать систематически. Концертов никаких, и никаких перспектив.

Если будет возможность купить одну коробку кофе за восемь рублей и передать через Абашидзе⁴, я немедленно вышлю деньги.

Шлю сердечный привет.

Из Москвы никто не пишет! Только Мария Александровна⁵ пишет от 10-го, просит взять Олю⁶ сюда!!!

Привет Вам всем.

Ваша К. Эрдели» [16].

Как видим, исполнительница сетовала на отсутствие выступлений, которые составляли одну из самых насыщенных сфер ее творческой деятельности в мирное время. В первые дни пребывания в Нальчике уже были организованы концерты московских артистов и музыкантов. Однако арфистка смогла принять в них участие не сразу:

«Вчера был грандиозный концерт с участием Качалова, Москвина, Тарасовой, Тарханова, Прокофьева и многих других. Этот концерт будет повторяться в четверг 29-го, а в следующее воскресенье будет следующий состав. Я не выступала, так как арфу получила только вчера. Качалов и Прокофьев имели наибольший успех. Сюда привезут четыре рояля для работы наших композиторов и пьянистов [так!] (Фейнберг, Гольденвейзер, Нечаев⁷, Александров, Крейн) [4, 175].

Возможность общения с публикой давала глоток «свежего воздуха», позволяла заниматься профессией, любимым делом, которое в условиях военного времени не только не отошло на задний план как второстепенное, но и приобретало еще более важное значение — поддержка морального духа мирного населения и военных.

Как указывает А. Х. Кармов, «московские деятели культуры выступали с концертами перед населением города и ранеными солдатами в госпиталях» [1, 58]. Вот что вспоминала М. А. Мендельсон-Прокофьева, которая также находилась в Нальчике в эти дни: «Меня всегда поражала та сосредоточенность, та взволнованность, с которой такие большие мастера сцены ожидали своего выхода. Они ждали его с таким трепетом, что напоминали молодых артистов перед дебютом. Эти концерты, в которых принимали участие приехавшие музыканты, сближали коллектив, обосновавшийся в Нальчике. Сближали его и совместные выступления в госпиталях, и знакомство с искусством края» [3, 67].

Осенью 1941 года ситуация на военных фронтах становилась всё более сложной, немецкие войска почти добились успеха в реализации плана «Барбаросса», выйдя на ближние подступы к Москве. Наступление развивалось и на юг. В связи с этим было принято решение эвакуировать творческую интеллигенцию в более глубокий тыл.

В конце октября 1941 года был санкционирован переезд ведущих деятелей искусства в Тбилиси. Весь коллектив, разместившийся в Кабардино-Балкарии,

⁴ Абашидзе Григол Григолович (1914–1994) — советский грузинский поэт и писатель, соавтор текста Гимна Грузинской ССР (1944), герой Социалистического Труда (1974), лауреат Сталинской премии второй степени (1951), академик Академии наук Грузинской ССР (1979).

⁵ Эрдели Мария Александровна (1894–1975) — советская пианистка, окончила Петербургскую консерваторию, мать арфистки О. Г. Эрдели.

⁶ Речь идет о четырнадцатилетней Ольге Эрдели. Приезд юной арфистки в Нальчик не состоялся, так как она в составе учеников Центральной музыкальной школы была эвакуирована в Пензу.

⁷ Нечаев Василий Васильевич (1895–1956) — советский пианист, композитор, профессор Московской консерватории, доктор искусствоведения, заслуженный деятель искусств РСФСР (1946).

перебирался в столицу Грузии. 8 ноября выехали артисты МХАТа и Малого театра, на 20-е был назначен отъезд музыкантов.

А. Б. Гольденвейзер, вспоминая этот вынужденный переезд, писал: «Едем в четырёх вагонах, очень примитивных. Тесно, но уютно» [5, 318]. Дорога заняла четыре дня. Ехали бок о бок: «Несмотря на тесноту, никто не ворчал, так как за время пребывания в Нальчике все успели сдружиться, — сблизило общее волнение по поводу переживаемых событий, совместное ожидание на почте у окошечка “до востребования”, бытовые хлопоты и заботы» [3, 71].

По прибытию на вокзал Тбилиси каждый получил адрес предназначавшегося для него жилья в частной квартире или в гостинице. Сразу же была организована и концертная группа: «В нашу группу, которой могла бы позавидовать любая столичная филармония, входили: композиторы — Мясковский, Прокофьев, Ан. Александров, А. Крейн; пианисты — А. Гольденвейзер, Игумнов, Фейнберг, Нечаев; вокалисты — Доливо, К. Дорлиак; скрипачи — Сибор, Габриэлян. Украшением группы был В. И. Качалов» [7, 98]. Последний из упомянутых читал «отрывки из “Воскресенья” Толстого и “Братьев Карамазовых” Достоевского, монологи шекспировских Гамлета и Ричарда III, стихотворения Маяковского, Есенина, Блока, Мицкевича и многое другое» [2, 59]. Выступления проходили в Тбилиси и соседних городах. Артисты МХАТа и Малого театра, а также музыканты давали совместные и сольные концерты, билеты на которые мгновенно раскупались, а сбор передавался в фонд обороны. «Художественная жизнь здесь в полном разгаре. По понедельникам — симфонические концерты, в 2-х залах филармонии — большом и малом — всевозможные концерты солистов — Флиэр, Любовь Орлова — делают битковые сборы; наши московские профессора, особенно Гольденвейзер, и даже такие, которые в Москве уже не выступают (например, Нечаев, Сибор и др.), здесь концертируют и разъезжают» [4, 176] — писала К. А. Эрдели Р. М. Глиэру уже из Тбилиси.

Как видим, культурная жизнь грузинской столицы того времени, несмотря на тяжелые военные условия, была достаточно насыщенной. Тбилиси, по признанию Ксении Александровны, — «большой европейский центр, который удовлетворяет больших художников и ученых» [11, 2].

Однако и здесь в первые дни проживания блистательная арфистка не смогла принять участие в концертах, и причиной тому опять стала задержка арфы в пути: «Арфой здесь никто не поинтересовался, и я нигде не работаю, и даже не играю дома, и в виду материальных недостатков — занята целый день самообслуживанием и скучными бытовыми вопросами. В связи с этим, а главное, с отсутствием приличного питания я болела острой формой неврастения, которая обострилась последние дни с наступившей жарой» [4, 176].

Через некоторое время арфа прибыла в Тбилиси, и Ксения Александровна сразу же включилась в концертные мероприятия, организованные московской группой музыкантов. Занятие любимым делом помогло восстановить физическое и душевное здоровье. Отрицательные впечатления от Тбилиси во многом сгладились, положительные — заняли основное место. «О своем пребывании здесь и в Нальчике среди группы наиболее выдающихся деятелей искусств могла бы написать многое, но это трудно сделать в коротком послании. Общение с этими людьми, а также жизнь в Тбилиси и Нальчике составит одну из интереснейших страниц в моей жизни, но всё омрачено, к сожалению, переживаемыми событиями» [4, 176].

В середине 1942 года обстановка на фронте резко обострилась. Немецкие войска перешли в наступление в южном направлении и рассчитывали захватить Кавказ, Кубань и Нижнее Поволжье. Таким образом, фронтовые события вызвали новую волну эвакуации. Встал вопрос о переводе группы музыкантов в Саратов, где с октября 1941 года уже была размещена Московская консерватория.

К тому моменту учащиеся саратовского и московского вузов фактически объединились, занятия шли в совместных группах, однако их состав был довольно малочисленным. При первой же возможности московские педагоги и студенты старались вернуться в столицу, тем более что в консерватории с 11 марта 1942 года возобновились занятия для студентов IV и V курсов. В новом 1942–1943 учебном году, согласно приказу Всесоюзного комитета по делам высшей школы при Совете Народных комиссаров СССР, планировалось отменить сокращенные учебные планы военного времени и вернуться к прежним.

Московские профессора, находившиеся в то время в Тбилиси, в числе которых была Ксения Александровна, не видели оснований для переезда в Саратов и рвались в Москву. Блистательная арфистка предпринимала отчаянные попытки получить разрешение на въезд в столицу, без которого вернуться было невозможно.

Приведу фрагмент письма от 29 августа 1942 года, которое Ксения Александровна адресовала М. В. Храпченко⁸, в то время председателю Комитета по делам искусств СНК СССР:

«Обращаюсь к Вам с огромной просьбой помочь мне вернуться в Москву.

Я очень тяжело переношу свое одиночество на чужбине! С коллективом нашим я не поехала по состоянию здоровья и потому, что мне предложили работу в Госопере в Ереване, а в Ташкенте, во Фрунзе мне нечего будет делать, так как там работают некоторые мои студенты, другие же сидят без дела. А мне было здесь достаточно тяжело не иметь никакой работы, и я боюсь там очутиться в таком же положении.

Здоровье мое сильно пошатнулось последнее время, и я боюсь, что не выдержу еще год одинокого существования, и, в лучшем случае, потеряю свою трудоспособность...

Тяжело сознавать, что почти полувековая работа и определенные достижения не дают тех прав, которые так легко тут же получают некоторые товарищи.

Моя последняя надежда — это мое письмо к Вам. Помогите мне, дорогой Михаил Борисович! У меня ведь учеников — 10 человек в Москве» [4, 132–133].

В описываемое время реэвакуация носила персональный характер, и порядок ее к тому моменту не был отработан. Да и руководство Комитета по делам искусств не спешило возвращать весь состав профессоров Московской консерватории. Таким образом, в разрешении на въезд в Москву было отказано, Ксения Александровна смогла получить его только осенью 1943 года.

А пока арфистка отправлялась в Ереван:

«Мы все уезжаем! Народные (15 человек) летят в Москву!!! А остальной коллектив 30-го выезжает в Ташкент, я еще не окончательно, но на 90 % решила ехать в Ереван, в Госоперу» [9].

По приезде в Армению Ксению Александровну разместили в одной из частных квартир напротив здания Театра оперы и балета имени А. А. Спендиарова. Арфистка одновременно приступила к работе в театре и в Симфоническом оркестре Армянской филармонии. Как видим, в период эвакуации К. А. Эрдели возвращается к оркестровой работе, которая была прекращена ею в мирное время в 1938 году с уходом из Большого театра:

«Живу хорошо, только сил мало и энергии никакой, зато питаюсь прекрасно, имею 800 грамм чудного белого хлеба и завтрак от Оперы⁹ — печенье, кекс, булочки и т. д. Пока готовлю сама обед дома и часто обедаю в гостях, но мечтаю о прикреплении меня к вновь открывшейся прекрасной столовой. В театре пока меня берегут и не вызывают на репетиции, и я учу трудные партии дома» [10].

Однако обстоятельства военного времени не давали забыть о сложнейшем положении, в котором находилась страна. В описываемый период шло крупнейшее

⁸ Храпченко Михаил Борисович (1904–1986) — советский литературовед, академик АН СССР.

⁹ Речь идет о пайке, выдававшемся во время войны артистам Театра оперы и балета имени А. А. Спендиарова, в оркестре которого в то время работала К. А. Эрдели.

сражение за Сталинград, велась Синявская операция по снятию блокады Ленинграда. Середина 1942 года стала кризисным и в то же время переломным периодом в Великой Отечественной войне.

Тяжелейшее положение на фронте, труднейшие условия существования в тылу (голод, карточная система) не могли не сказаться на бытовых обстоятельствах жизни деятелей культуры в эвакуации:

«Живу я не плохо, хотя трудно. Зарплату задерживают и вычитают много. Из Москвы денег не шлют, а цены здесь сравнимы Вашими. Все наши “благополучия” в виде “завтраков” в Опере окончились. Но за сентябрь я успела отъестся и поправиться» [10].

Несмотря на неутешительные вести с фронта, стесненные условия проживания, угнетенное состояние духа, культурная жизнь Еревана не только не остановилась, но и приобрела значительную активность:

«Выступала на днях в большом концерте, устроенном в Опере Комитетом Искусств для подарков бойцам. Успех у меня был громадный. После праздников Дирекция устраивает мой концерт с участием лучшей здесь певицы — Народной артистки, Члена Верховного Совета ССР Даниэлян¹⁰. Репетирую почти каждый день, а спектакли — два раза в неделю. Завтра играю “Лебединое озеро”» [10].

Вышеназванный сольный концерт Ксении Александровны имел оглушительный успех. Вот что она сама писала об этом:

«Все же я умудрилась дать свой большой концерт, которым осталась довольна.

Это было мое третье выступление в Ереване. Мне было трудно, потому что я целый год не выступала. Главным образом, я работала над аккомпанементами, которых было четырнадцать вещей. Дирекция обставила концерт мой чрезвычайно торжественно, несмотря на отсутствие бумаги, были прекрасные афиши, программки и пригласительные билеты всем “персонам” Ереванской общественности. Театр громадный, но я вынуждена была там играть, так как дирекция считала мое выступление историческим и заинтересована была его поставить у себя. Билеты продавались с разбором, все же публики было много. Посылаю программу и рецензии [12, I].

Приведу одну из рецензий на выступление блистательной арфистки в Ереване:

«К. А. Эрдели — заслуженная артистка РСФСР, профессор Московской консерватории — выдающийся мастер игры на арфе, горячая пропагандистка этого инструмента. Воспользовавшись ее пребыванием в Ереване, Государственный Орден Ленина Театр оперы и балета организовал недавно концерт, впервые познакомивший ереванскую общественность с арфой, как сольно концертующим инструментом.

Разнообразная программа, представляющая многочисленные музыкальные стили — от классики XVIII века (Бах, Гретри, Корелли) и до советских композиторов (Гедике, Прокофьев), — была выполнена К. А. Эрдели технически совершенно с превосходным художественным вкусом и артистизмом. — А. Шавердян¹¹» [6, 23].

¹⁰ Даниэлян Айкануш Багдасаровна (1893–1958) — советская армянская оперная певица (лирико-колоратурное сопрано), педагог, Народная артистка СССР (1939); в 1920 году окончила Петроградскую консерваторию по классу Н. А. Ирецкой; в 1922–1932 годах — солистка Грузинского театра оперы и балета имени З. П. Палиашвили; в 1924 году участвовала в оперной труппе под руководством А. Ш. Мелик-Пашаева и Ш. М. Тальяна (спектакли в Ленинкане и Ереване); с 1933 по 1948 год — солистка Армянского театра оперы и балета имени А. А. Спендиарова; в 1943–1951 годах преподавала в Ереванской консерватории имени Комитаса, в 1943–1948 годах — заведующая вокальной кафедрой, с 1949 года — профессор.

¹¹ Шавердян Александр Исаакович (1903–1954) — советский музыковед, заслуженный деятель искусств Армянской ССР (1945); окончил Московскую консерваторию в 1931 году, в разные годы работал в редакциях журналов «Музыкальное образование», «Пролетарский музыкант», «За пролетарскую музыку», «Советское искусство», в 1928–1936 годах был главным редактором музыкального вещания Всесоюзного радиокomiteта, в 1937 году — заместитель ответственного редактора газеты «Музыка», в 1946–1950 годах — председатель комиссии музыковедения и музыкальной критики при Московской организации Союза

Отмечу, что значительную часть творческой работы арфистки в Ереване составляла педагогическая деятельность. Ксения Александровна и ее бывшие ученицы отчаянно хлопотали об открытии класса арфы в Ереванской консерватории. Однако этому не суждено было состояться:

«Сараджев¹² категорически отказался открыть класс арфы в консерватории, несмотря на хлопоты Седы¹³ и Полtareвой¹⁴, а в техникуме открыли класс, там у меня две ученицы» [10].

Студентками Ереванского училища по классу арфы стали Н. Попова¹⁵ и Н. Степанян¹⁶, которые уже в мирное время окончили Московскую консерваторию по классу арфы под руководством Ксении Александровны. Прекрасный преподаватель, имеющий обширный педагогический багаж, К. А. Эрдели сумела воспитать блестящих исполнительниц и в нелегкое военное время:

«С педагогической работой я закончила тоже очень удачно. Обе девочки¹⁷ получили “отлично” и выступали на открытых концертах. Обе, по-моему, успели как за два года, между тем, у них у обеих способности средние» [13, 1].

Творческая деятельность Ксении Александровны, которую она вела в Ереване всего лишь на протяжении одного года, поражает своей масштабностью и разносторонностью:

«Проделала я громадную здесь работу: Госопера, Филармония, симфонические концерты (по понедельникам), училище, Арменкино, радио, госпитали, Союз композиторов и т. д.» [13, 1–1 об.].

композиторов РСФСР, в 1947–1949 — консультант Большого театра по вопросам репертуара; являлся также членом главной экспертной комиссии ВАК по музыкальному искусству, членом Художественного совета Управления по делам искусств Мосгорисполкома; в описываемое время — заведующий музыкальной частью Театра оперы и балета имени А. А. Спендиарова.

¹² К. С. Сараджев в описываемое время являлся ректором Ереванской консерватории.

¹³ Тальян Седа Шараевна (даты жизни неизвестны) — арфистка, ученица К. А. Эрдели, дочь выдающегося армянского певца Ш. М. Тальяна, работала вместе с К. А. Эрдели в оркестре Театра оперы и балета имени А. А. Спендиарова.

¹⁴ Полtareва Виктория Петровна (1919–1991) — арфистка, профессор Львовской консерватории. Виктория Петровна родилась в дворянской семье в Полтавской губернии. Позже семья переехала в Ленинград, где Виктория поступила на фортепианный факультет консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова и параллельно училась игре на арфе у профессора Н. И. Амосова. В 1937 году отец арфистки был репрессирован, это стало причиной для переезда семьи в Москву. Виктория Петровна продолжила обучение игре на арфе у К. А. Эрдели в Московской консерватории. В 1941 году молодую арфистку пригласили работать в Симфонический оркестр Армянской филармонии. Начало войны она застала в Армении. В 1943 году Виктория Петровна перешла в Государственный эстрадный оркестр Армении. Коллектив выехал на гастроли в Иран, где В. П. Полtareва заболела тропической лихорадкой и попала в госпиталь. Вернувшись в Москву только в 1944 году, она окончила Московскую консерваторию и была направлена во Львов по «распределению молодых кадров на периферию». В 1945 году В. П. Полtareва была арестована за иностранную переписку, которую она вела со своими друзьями, приобретенными во время гастролей в Иране. Виктория Петровна провела под арестом девять месяцев, но была оправдана и восстановлена на работе. В 1969 году защитила кандидатскую диссертацию «Проблемы развития искусства игры на арфе в Советском Союзе» (Киев). В 1986 году переехала в Киев, где продолжала концертную деятельность до конца жизни.

¹⁵ Попова-Сараджева Наталья Ивановна (Наля) (1924–2014) — дочь Т. К. Сараджевой (1901–1978; скрипачка, артистка оркестра Московской филармонии), внучка К. С. Сараджева; в 1942 году начала заниматься у К. А. Эрдели в Ереванском музыкальном училище; после окончания Московской консерватории по распределению была направлена в Ереван, где работала в Театре оперы и балета имени Спендиарова и в Эстрадном оркестре Госкомитета по телевидению и радиовещанию; вела класс арфы в Ереванской консерватории имени Комитаса; заслуженная артистка Армянской ССР.

¹⁶ Степанян Нина Рубеновна (даты жизни неизвестны) — арфистка. Начала учиться у К. А. Эрдели в 1942 году в Ереванском музыкальном училище; по окончании Московской консерватории вернулась в Ереван, где работала до конца жизни.

¹⁷ Речь идет об ученицах К. А. Эрдели в Ереванском музыкальном училище: Н. И. Поповой и Н. Р. Степанян.

Однако блистательная арфистка по-прежнему, не оставляла мысли о своем возвращении в столицу. *«Скорей бы в Москву! Всё надоело здесь, всё постыло!»* [15] — писала она своему ассистенту и другу М. П. Мчеделову.

К осени 1943 года ситуация на фронте значительно улучшилась: была прорвана блокада Ленинграда, состоялись Курская битва, воздушные сражения на Кубани, битвы за Днепр и Кавказ. В этих условиях руководство нашей страны возобновило реэвакуацию, прерванную летом 1942 года в связи с ухудшением позиций советских войск на фронте. В надежде на перемены К. А. Эрдели писала:

«Я уже думаю о переезде в Москву. Получила несколько трогательных телеграмм из консерватории, Комитета и студентов (от Шебалина 2 телеграммы). Все ждут с нетерпением и радуются предстоящей встрече. Я очень тронута, очень благодарна за такое внимание и назначила свой отъезд на 20 сентября, и если Бог даст, быть может, доберусь до Москвы» [15].

Однако в столицу Ксения Александровна возвратилась только 1 ноября. Вскоре после приезда она сообщала:

«О себе и своих материальных делах напишу в следующий раз. Меня волнует вопрос с арфой, которая не пришла до сих пор. Посылаю Вам телеграмму. Весь мой фарфор и серебро украдены дворниками, у которых на хранении находился мой чемодан с ценными вещами (у всех уезжавших артистов, то же самое). Я еще не открывала шкафов, но, кажется, что половина вещей пропала тоже.

Интересно, что в консерватории меня в одно время похоронили, так как распространился слух, что я повесилась. Наташа¹⁸ и Люся¹⁹ ревели два дня, пока не пришла телеграмма, что я жива и здорова и выехала в Ереван» [14, 2–2 об].

Вернувшись в Москву, Ксения Александровна была готова с огромной энергией включиться в работу в консерватории. Однако к тому моменту в педагогический состав вуза вошла В. Г. Дулова, к которой была переведена часть учеников К. А. Эрдели. Ассистент арфистки М. П. Мчеделов, сокращенный из штата консерватории в начале войны, так и не вернулся к должности. И Ксения Александровна, стараясь восстановить утраченные позиции, обратилась за помощью к А. В. Солодовникову, в то время заместителю председателя Комитета по делам искусств СНК СССР:

«Получив в начале сентября в г. Ереване от В. Я. Шебалина извещение о начале занятий 1 октября, я приготовилась к отъезду, но, не получив причитающейся мне зарплаты за август и сентябрь, я телеграфировала Шебалину (8-го сентября), прося выслать мне на дорогу денег. Дирекция Музыкального училища по моей просьбе послала телеграмму-молнию дополнительно. Не получая в течение двух недель никакого ответа, я вторично телеграфировала С. Я. Агронскому²⁰ просьбу проверить в консерватории и ускорить высылку денег. В ответ С. Я. Агронский телеграфировал мне, что в консерватории денег нет, и что деньги мне высылают студенты.

По получении 12-го октября денег от студентов я 16-го выехала из Еревана. 1-го ноября я представилась дирекции и декану и 1-го же приступила к занятиям.

От студентов я узнала о приглашении в класс арфы Веры Дуловой, а 11-го ноября от совершенно постороннего лица, случайно узнала, что я, оказывается, переведена на полставки.

¹⁸ Каменская Наталья Львовна (1917–1983) — советская арфистка; родилась в Петербурге, училась в Московской консерватории по классу арфы (1941–1946) у К. А. Эрдели; солистка оркестра Московского музыкального театра имени К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко.

¹⁹ Когбетлиева Людмила Ивановна (р. 1923) — советская и российская арфистка; училась у К. А. Эрдели в Московской консерватории в 1941–1946 годах; автор пьес для начинающих арфистов.

²⁰ Агронский Семен Яковлевич (1882–1961) — русский и советский валторнист, артист оркестра Большого театра (1927–1941), оркестра Всесоюзного радио и телевидения (1944–1950), оркестра Московской филармонии (1950–1955), был инспектором оркестра Большого театра (1955–1961); в 1929–1932 преподавал игру на валторне в Московской консерватории, в 1929–1940 — в Музыкальном техникуме имени Октябрьской революции.

Когда я 5-го ноября спросила у Козолупова²¹, почему он мне не заявил о приглашении В. Дуловой, он ответил: “Вольно Вам было опаздывать!”²² Но при этом он ни слова не сказал мне, что я переведена на полставки! Об этом я узнала лишь 11-го вечером от постороннего лица.

Сопоставляя все эти факты, я ясно вижу преднамеренность всех этих действий, а именно: телеграмма, посланная 8-го сентября и полученная в Москве 16-го сентября, пролежала у секретарши до 29-го сентября в бездействии (свидетели — студенты), а в то же время мое опоздание ставят мне в вину.

Считаю такое отношение недопустимым ко мне как к работнику с крупным стажем (45 лет), как специалисту, поставившему на высокий уровень класс арфы, который до моего вступления в консерваторию был очень слабо представлен.

При сем прилагаю документы, резко контрастирующие с тем отношением, которое я сейчас встречаю со стороны деканата.

Прошу, если невозможно мне вернуть те права и то положение, которое я имела до моей эвакуации, то, по крайней мере, вернуть мне мою полную ставку.

Заслуженная Артистка Республики, профессор-орденоносец Эрдели» [8, 2].

Ответ А. В. Солодовникова, к сожалению, пока не найден. Однако мы можем оценить результат данного обращения Ксении Александровны, засвидетельствованный самой арфисткой:

«В ВУЗе у меня — девять человек, все прежние. Мара, оказывается, не кончала, Муся²³ тоже. Гриштаева²⁴ перешла к Дуловой, у нее — еще И. Блехер²⁵, которая с отцом была в Куйбышеве и занималась с Верой там. Они ждали меня, но Козолупов приказал им в октябре начать заниматься. К Вере поступили еще две новенькие» [14, 1].

Как видим, почти все прежние ученицы Ксении Александровны были восстановлены в ее классе. Военный 1943–1944 учебный год в консерватории уже всюду вступал в свои права. И вновь в Москве для арфистки началась напряженная, но интересная любимая работа.

Таким образом, два года, проведенные в эвакуации, были отмечены для Ксении Александровны не только бытовыми и моральными тяготами, сопутствующими военному времени, но также и динамичной разнонаправленной деятельностью в профессии. Блистательная исполнительница давала множество сольных концертов, сотрудничала с ведущими музыкантами, вернулась к активной работе в оркестре, преподавала. Думаю, что именно такая всепоглощающая, истовая деятельность в любимом искусстве дала арфистке возможность пережить трудные годы войны.

²¹ С. М. Козолупов с 1942 года являлся деканом оркестрового факультета Московской консерватории.

²² Речь идет об опоздании К. А. Эрдели к началу занятий 1 октября 1943 года в Московской консерватории.

²³ Мурзич Мария Яковлевна (1918–?) — советская арфистка; училась у К. А. Эрдели в Московской консерватории в 1941–1946 годах, работала в оркестре Оперной студии Московской консерватории.

²⁴ Заринская (Гриштаева) Ксения Ивановна (даты жизни неизвестны) — талантливая студентка консерватории, двоюродная сестра М. Л. Ростроповича, в разное время училась игре на фортепиано у М. В. Юдиной, на арфе у К. А. Эрдели и В. Г. Дуловой.

²⁵ Блехер Ида (Эйда) Давидовна (даты жизни неизвестны) — дочь контрабасиста оркестра Большого театра; начинала обучение игре на арфе в классе К. А. Эрдели; во время эвакуации в Куйбышев продолжила занятия с В. Г. Дуловой, также эвакуированной в город в числе артистов Большого театра. После окончания войны И. Д. Блехер обучалась в классе В. Г. Дуловой в Московской консерватории.

Литература

1. Кармов А. Х. Кабардино-Балкария в начале Великой Отечественной войны (июнь 1941 — август 1942 гг.) // Великая Отечественная война в истории Кабардино-Балкарии 1941–1945 гг. 75 лет Победы / Руководитель научного проекта, составитель К. Ф. Дзамихов; [Ин-т гуманитарных исследований — филиал Федерального гос. бюджетного научного учреждения Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»]. Нальчик: Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2020. С. 34–47.
2. Махарадзе К. Репортаж без микрофона. М.: ОЛМА–Пресс. 2001. 284 с.
3. Мендельсон-Прокофьева М. А. О Сергее Сергеевиче Прокофьеве. Воспоминания. Дневники (1938–1967) / [науч. ред., предисл. и коммент. Е. В. Кривцова]. М.: Композитор. 2012. 631 с.
4. Подгузова М. М. Арфовое искусство России первой половины XX века : (творчество, исполнительство). М.: Эдитус, 2010. 210 с.
5. Скрябин А. С., Николаева А. Ю. Наш старик : Александр Гольденвейзер и Московская консерватория / [сост.: А. С. Скрябин, А. Ю. Николаева]; Всероссийское музейное объединение музыкальной культуры им. М. И. Глинки [и др.]. М.: Центр гуманитарных инициатив; СПб.: Университетская книга, 2015. 704 с.
6. Служебные документы Эрдели К. А., отражающие исполнительскую и педагогическую деятельность за 50 лет. М., Л., Минск, Одесса, Ереван и др. // РНММ. Ф. 347. № 5082. 28 л.
7. Эрдели К. А. Арфа в моей жизни : мемуары / общ. ред. Б. В. Доброхотова. М.: Люмьер. 2015. 196 с.
8. Эрдели К. А. Письмо Мчеделову М. П. // РНММ. Ф. 444. № 572. 2 л.
9. Эрдели К. А. Письмо Мчеделову М. П. // РНММ. Ф. 444. № 576. 1 л.
10. Эрдели К. А. Письмо Мчеделову М. П. // РНММ. Ф. 444. № 589. 1 л.
11. Эрдели К. А. Письмо Мчеделову М. П. // РНММ. Ф. 444. № 593. 2 л.
12. Эрдели К. А. Письмо Мчеделову М. П. // РНММ. Ф. 444. № 594. 5 л.
13. Эрдели К. А. Письмо Мчеделову М. П. // РНММ. Ф. 444. № 595. 2 л.
14. Эрдели К. А. Письмо Мчеделову М. П. // РНММ. Ф. 444. № 596. 2 л.
15. Эрдели К. А. Письмо Мчеделову М. П. // РНММ. Ф. 444. № 597. 1 л.
16. Эрдели К. А. Письмо Мчеделову М. П. // РНММ. Ф. 444. № 598. 1 л.